

К ПРОБЛЕМЕ ПРЕДМЕТА ОТРАЖЕНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ЕГО СТРУКТУРЫ

© 2020 г. В. В. Кожевников

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

E-mail: kta6973@rambler.ru

Поступила в редакцию 13.01.2020 г.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы о предмете отражения правосознания и его структуре. В частности, автором утверждается, что правосознание как совокупность представлений и чувств выражает свое отношение не только к действующему и желательному праву, но и к праву прошлого времени. В данном случае речь идет об оценке исторических юридических источников права, их эффективности. Подчеркивается, что для того чтобы представить предмет отражения правосознания целостно, акцентируя внимание лишь на его юридический аспект, не прибегая к перечислению тех или иных правовых элементов в него входящих, чтобы избежать неопределенных незаконченных их перечней, следует использовать категорию «правовая действительность» (правовая реальность, правовая жизнь). Более того, учитывая связь государства и права, их взаимодействие в самых различных формах, предмет отражения правосознания должен быть определен через категорию «государственно-правовая действительность» (реальность, жизнь). Что касается проблемы, касающейся структуры правосознания, ориентируясь на традиционное и общепринятое обособление в нем двух элементов: правовой психологии и правовой идеологии, отмечается, что основное положение, которое имеет при этом методологическое значение, заключается в том, что указанные элементы взаимосвязаны, они сосуществуют, хотя их соотношение может быть самым разным, а вопрос о доминировании одного из указанных элементов должен решаться диалектически, приводя аргументы в пользу как первого, так и второго.

Ключевые слова: правосознание, правовая идеология, правовая психология, государственно-правовая действительность, правовой нигилизм, деформация правосознания.

Цитирование: Кожевников В.В. К проблеме предмета отражения правосознания и его структуры // Государство и право. 2020. № 12. С. 45–56.

DOI: 10.31857/S102694520012730-4

TO THE PROBLEM OF THE SUBJECT OF REFLECTION OF JUSTICE AND ITS STRUCTURE

© 2020 V. V. Kozhevnikov

Dostoevsky Omsk state University

E-mail: kta6973@rambler.ru

Received 13.01.2020

Abstract. This scientific article discusses problematic issues about the subject of reflection of justice and its structure. In particular, the author argues that justice as a set of ideas and feelings expresses its attitude not only to the current and desirable law, but also to the law of the past. In this case, we are talking about assessing the historical legal sources of law, their effectiveness. It is emphasized that in order to present the subject of reflection of legal awareness in a holistic manner, focusing only on its legal aspect, without resorting to listing any legal elements included in it, to avoid their uncertain incomplete lists, one should use the category “legal validity” (legal reality, legal a life). Moreover, given the close relationship between the state and law, their interaction in various forms, the subject of reflection of legal consciousness should be defined through the category “state-legal reality” (reality, life). With regard to the problem of the structure of legal consciousness, focusing on the traditional and generally accepted isolation of two elements in it – legal psychology and legal ideology, it is noted that the main position, which has methodological significance, is that these elements are interrelated, they coexist, although their ratio may be very different, and the question of the dominance of one of these elements should be resolved dialectically, giving arguments in favor of both the first and second.

Key words: legal consciousness, legal ideology, legal psychology, state-legal reality, legal nihilism, deformation of justice.

For citation: Kozhevnikov, V.V. (2020). To the problem of the subject of reflection of justice and its structure // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 45–56.

Актуальность данной статьи обусловливается тем обстоятельством, что правосознание, пожалуй, является наиболее распространенным феноменом, который, выступая элементом национальной правовой системы, проявляется различными аспектами как в правотворчестве, так и правоприменении и правореализации вообще, в механизме правового регулирования в целом. В литературе отмечается, что «правосознание пронизывает и соединяет в единую систему весь процесс и все средства правового регулирования, начиная от правотворчества и кончая реализацией права»¹. Несмотря на это, в теории правосознания остаются ряд общетеоретических проблем, которые трактуются учеными-теоретиками неоднозначно, в т.ч. и те из них, которые определяются в названии статьи.

Интересно заметить, что в свое время С.И. Ожегов, определяя правосознание, в качестве предмета его отражения называл «действующее право», существующие правовые нормы². Н.А. Пьянов полагал, что практически все исследователи сходятся на том, что правосознание — это одна из форм общественного сознания, которые составляют идеи, взгляды, представления, чувства и эмоции, выражающие субъективное отношение людей к праву и другим правовым явлениям действительности³.

Обращаясь к понятию правосознания, В.С. Нерсесянц полагал, что «это форма осознания права как специфического явления социальной действительности»⁴, а учитывая, что национальное право не тождественно правовой системе общества,

значительно расширил объем предмета отражения правосознания, подчеркивая, что последнее — это «набор взаимосвязанных идей, эмоций, выражающих отношение общества, групп, индивидов к праву — этому целостному социальному институту, его системе и структуре, к отдельным законам, иным характеристикам правовой системы»⁵. Р.А. Ромашов в качестве предмета отражения правосознания предлагает рассматривать юридически значимые явления общественной жизни: действующее законодательство, юридическую практику, права и свободы человека и гражданина и т.д.⁶

М.И. Абдулаев и С.А. Комаров считают, что «правосознание есть освоение права, совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей как к действующему праву, так и к желаемому праву»⁷. Эту точку зрения разделяют и другие авторы⁸.

Отчасти соглашаясь с данной позицией ученых, полагаем, что правосознание предполагает отношение не только к действующему и желаемому праву, но и к праву прошлого времени. Иными словами, речь идет об оценке правосознания памятников права, их эффективности в соответствующих исторических условиях. Например, наш современник, благодаря своему правосознанию, может оценить шотландское брачное законодательство, описанное У. Коллинзом в 1870 г. в романе «Муж и жена»⁹.

⁵ Венгеров А.Б. Теория государства и права: учеб. М., 2007. С. 560.

⁶ См.: Ромашов Р.А. Теория государства и права: краткий курс. СПб., 2010. С. 291.

⁷ Абдулаев М.И., Комаров С.А. Проблемы теории государства и права: учеб. СПб., 2003. С. 428.

⁸ См.: Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Теория государства и права. Ростов н/Д., 2010. С. 667.

⁹ Коллинз У. Муж и жена: роман. М., 1990.

¹ Методологические проблемы правосознания сотрудников органов внутренних дел. Л., 1986. С. 45.

² См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 499.

³ См.: Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права: учеб. пособие. Иркутск, 2010. С. 511.

⁴ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. М., 2002. С. 267.

Кстати, наше представление о правосознании разделяли и другие ученые. Например, коллектив авторов — В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев и А.Ю. Мамычев, правда, проявляя непоследовательность в данном вопросе, подчеркивают, что «человек всегда как-то относится к прошлому праву, к праву существующему, и к праву, которое он хотел бы видеть в будущем»¹⁰.

Н.Я. Соколов, говоря о правосознании юристов, также делает акцент лишь на юридическую составляющую предмета отражения правосознания, трактуя первое «как одну из коллективных форм правового сознания, выступающую как систему правовых взглядов, знаний, чувств, ценностных ориентаций и других структурных образований правового сознания общности людей, профессионально занимающихся юридической деятельностью, которая требует специальной образовательной и практической подготовки»¹¹. В равной мере так может оцениваться и позиция Р.К. Русинова, определившего правосознание как «совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей к праву и правовым явлениям в общественной жизни, осознание правовой действительности, восприятие ее в мыслительных и чувственных образах»¹². В категорической форме Б.К. Мартыненко утверждает, что «в правосознании отражаются лишь те явления, которые составляют правовую сторону жизни общества... <...>. Осознание правовых явлений жизни общества осуществляется посредством специальных юридических понятий и категорий», к числу которых «относятся, например, такие понятия, как правомерность, неправомерность, правоотношение, юридическая ответственность, законность»¹³. Критически оценивая позицию автора, трудно понять его с точки зрения того, как он «разводит» правовые понятия и правовые категории.

На наш взгляд, чтобы представить предмет отражения правосознания целостно, акцентируя внимание лишь на его юридический аспект, не прибегая к перечислению тех или иных правовых элементов в него входящих, чтобы избежать неопределенных их перечней, следует использовать категорию «правовая действительность» (правовая реальность, правовая жизнь).

Определяя правовую реальность в качестве универсального объекта правовой науки, афганский ученый Х. Бехруз полагает, что если с точки зрения философов правовая реальность является неким единым целым, отражающим целостность самого права, то для юристов правовая реальность является не монолитной, однородной, а достаточно многоликой и многообразной¹⁴. По мнению украинского теоретика права О.Ф. Скакун, правовая реальность — это все проявления правовой жизни общества коллективных и индивидуальных субъектов права — юридическая деятельность и ее результаты (правотворческие, правоприменительные и иные акты), правонарушения и юридическая ответственность, правовое мышление, правовое обучение, деформация правового сознания (правовой нигилизм, правовая демагогия) и другие, т.е. все правовые элементы — упорядоченные и находящиеся еще в стадии упорядочения (хаотичные)¹⁵.

Думается, что учет как позитивных, так и негативных правовых явлений должен рассматриваться в качестве содержания **правовой жизни** во всем ее многообразии, категория которой в понятийном ряду юридической науки получила неоднозначную оценку: одни авторы выступают за ее введение в науку¹⁶; вторые согласны с необходимостью исследования самой правовой жизни, но не одобряют «придание» ей статуса научной категории¹⁷.

С позиции синергетического подхода проблеме правовой жизни общества рассмотрел К.В. Шундинов, который верно подметил, что «одной из интегративных юридических абстракций, относительно недавно введенных в научный оборот, стало понятие правовой жизни общества», которое, включая в себя как правомерные, так и противоправные составляющие, «бросает вызов проблеме сложности объекта юридической науки, по сути, являясь попыткой выработать более адекватный (по сравнению с ранее применяемыми) методологический алгоритм ее решения», «привлекает внимание ученых к проблемам противоречий в юридической сфере, разного рода дефектам правового регулирования,

¹⁴ См.: Бехруз Х. Сравнительное правоведение: учеб. М., 2008. С. 16.

¹⁵ См.: Скакун О.Ф. Теория государства и права (энциклопедический курс): учеб. Харьков, 2005. С. 333.

¹⁶ См.: Трофимов В.В. Правовая жизнь: теоретические и социально-философские проблемы исследования // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 4. С. 124–133; Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 18.

¹⁷ См.: Матузов Н.И. Правовая жизнь как объект научного исследования // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2005. С. 9–38.

¹⁰ Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Указ. соч. С. 667.

¹¹ Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1988. С. 12.

¹² Русинов Р.К. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права: учеб. / отв. ред. В.Д. Перевалов. М., 2007. С. 206.

¹³ Мартыненко Б.К. Правосознание, правовая культура и правовое воспитание // Проблемы теории государства и права: учеб. / под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 484.

правовым отклонениям, юридическому «негативу»¹⁸. А.В. Малько, характеризуя правовую жизнь общества, отмечает, что «вводимое понятие... не выступает ни в коем случае параллельным понятием, наряду с правовой системой», «понятие правовой системы включать все юридические явления не в состоянии...», категория «правовая жизнь» «охватывает все правовые явления, причем как позитивные, так и негативные, выражая своего рода юридическую тотальность»¹⁹. Т.В. Кухарук обращает внимание на то, что правовая система, безусловно, принадлежит к правовой реальности, она существует в такой же мере объективно, как и правовая система. Но отнесение правовой системы к правовой реальности не означает их тождества, т.к. «правовая реальность включает в себя и состояние хаоса, беспорядка, правовые нарушения, правовые конфликты и т.п., которые не являются частями правовой системы»²⁰.

Полагаем, что, учитывая тесную связь государства и права, предмет отражения правосознания должен быть определен через категорию **«государственно-правовая действительность (реальность, жизнь)»**. Действительно, правосознание способно оценить, например, кампанию по выборам в представительные органы государства и органы местного самоуправления, назначение на те или иные должности в иные органы, эффективность правотворческих, правоприменительных и правоохранительных органов и т.д.

В этой связи можно утверждать, хотя термин «правосознание» довольно давно утвердился в юридической науке, он представляется односторонним, ибо к юридическим относятся явления и правовые, и государственные, что зачастую и, как правило, не учитывается большинством ученых-теоретиков. Е.А. Фролова, понимая под правосознанием совокупность воззрений, убеждений, эмоций, настроений, оценок в сфере права и **государства**, достаточно обоснованно полагает, что «система ЕГЭ, переход вузов на новую систему подготовки кадров в соответствии с Болонским протоколом и другие мероприятия (государства. — В.К.) воспринимаются населением весьма критически, поскольку могут привести (и уже привели. — В.К.)

к снижению качества образования и его большей недоступности»²¹.

Ю.Е. Аврутин, обращаясь именно к проблеме взаимодействия государства и права, писал, что функционирование государства и его институтов обеспечивается нормами различных отраслей права. С позиции указанного автора это означает, что при его исследовании должен быть использован методологический аппарат отраслевых юридических наук соответственно целевой ориентации конкретного исследования (конституционного права и сравнительного конституционного права, административного права, уголовного и международного права)²². В другом месте работы ученый отмечал, что «в рамках правовой реальности, т.е. правовой действительности и правовой деятельности, государство реализует посредством правоохранительной деятельности свою правоохранительную деятельность. Именно законодательство формирует то правовое поле, в котором разворачивается правоохранительная деятельность: определяет круг общественных отношений, подлежащих охране, регламентирует формы и методы правоохранительной деятельности, очерчивает круг субъектов ее осуществления и определяет ее компетенцию»²³.

Что касается проблемы, касающейся структуры правосознания, ориентируясь на традиционное и общепринятое обособление в нем двух элементов — правовой психологии и правовой идеологии, отметим, что основное положение, которое имеет при этом методологическое значение, заключается в том, что указанные элементы взаимосвязаны, они сосуществуют, хотя их соотношение может быть самым разным. Как в свое время утверждала Н.Л. Гранат, от уровня идеологической подготовки личности зависит возможность контроля над ее эмоциями и чувствами, умения «властвовать собой». Она полагала, что «это — свидетельство взаимосвязи и взаимообслуживания правовой идеологии и правовой психологии как структурных элементов правосознания»²⁴. Выступая именно с этих позиций, категорически выступаем против того, что обыденное правосознание фактически сводят лишь к правовой психологии. Например, С.В. Бошно характеризует обыденное правосознание как «массовые представления людей, их

¹⁸ Шундилов К.В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М., 2013. С. 108.

¹⁹ Малько А.В. Правовая жизнь как предельно широкая юридическая категория // Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики / под ред. А.В. Малько. М., 2011. С. 12.

²⁰ Кухарук Т.В. Некоторые теоретико-методологические вопросы исследования понятия правовой системы // Правоведение. 1998. № 2. С. 49, 50.

²¹ Фролова Е.А. Правосознание // Философия права. Курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2011. С. 393, 412.

²² См.: Аврутин Ю.Е. Государство и право. Теория и практика: учеб. пособие. М., 2007. С. 17, 18.

²³ Там же. С. 49.

²⁴ Гранат Н.Л. Правосознание и правовая культура // Теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева. М., 1997. С. 187.

эмоции, настроения по поводу права и законности», которые возникают под влиянием реальных условий жизни людей, их практического опыта²⁵. Определяя обыденное правосознание как правосознание не юристов, Е.В. Богатырев считает, что оно складывается стихийно как результат осмысления людьми своего житейского «опыта», оценки фактов, относящихся к правовой действительности, с точки зрения здравого смысла²⁶. Думается, что следует в этой связи поддержать точку зрения С.С. Алексеева, который, характеризуя обыденное правосознание, на наш взгляд, ошибочно назвал его массовым, подчеркивал, с одной стороны, что оно «есть по своей основе обыденное понимание права, в котором... весьма значительна роль социально-психологических компонентов — эмоций, настроений и пр.»²⁷. Однако, с другой стороны, автор писал, что было бы ошибочным рассматривать его в качестве явления низшего порядка, ибо в него внедряются элементы научного и даже профессионального правосознания, и оно, имея собственную ценность, «внешне выражает потребности социальной жизни, непосредственно-социальные права (притязания), является носителем господствующего в обществе чувства права и законности»²⁷. Подвергая критике тех ученых, которые склоняются к тому, что правовая психология характеризует лишь обыденные представления о праве, верно заметил В.К. Самигуллин, что на самом деле правовая психология ярче представляет правосознание большинства людей, которым в большей степени присуще обыденное правосознание. При этом обращается внимание и на то, что оно в известной мере распространяет свое значение и на те слои населения, которым свойственно профессиональное или научное правосознание, ибо ученые-юристы, крупные политические деятели, признанные юристы-практики тоже не бесчувственны, переживая и радость, и горе, и досаду, и разочарование, вызванные неоднозначным действием правового фактора в обществе. Обоснованно не соглашаясь с тем утверждением, согласно которому правовая психология представляет поверхностные, эмоциональные оценки субъектов права, ученый подчеркивает, что «как показывают наблюдения, правовая психология, взятая в массе своей, не лишена элементов рациональности, достаточного глубоких оценочных суждений и поступков»²⁸.

²⁵ См.: *Бошно С.В.* Теория государства и права: учеб. пособие. М., 2007. С. 301.

²⁶ См.: *Богатырев Е.В.* Правосознание и правосудие: взаимосвязь и взаимообусловленность // *Право и политика.* 2009. № 7. С. 1562.

²⁷ *Алексеев С.С.* Общая теория права: учеб. М., 2008. С. 149.

²⁸ *Самигуллин В.К.* Правосознание: корень добра и справедливости. Уфа, 2015. С. 46.

Следует согласиться с положениями о том, что «обыденное правосознание, несмотря на ситуационный характер своих оценок, все же более устойчиво и традиционно в своих идеалах», «люди видят зло не в существовании тех или иных органов государства, комитетов, комиссий, должностных лиц и др., а в декларативности решения насущных проблем, нежелании государства преодолевать трудности», «настроения в обществе и социальные ожидания на уровне массового (обыденного). — В.К.) правосознания должны реально (без деклараций) учитываться государственно-властными лицами и быть ориентиром для законотворческой деятельности государства»²⁹.

Думается, что методологической основой вопроса о структурных элементах правосознания является положение, согласно которому «хотя правовая психология и правовая идеология — разные структурные элементы правосознания, тем не менее они представляют собой взаимодействующие, отчасти взаимопроникающие явления»³⁰. Согласно позиции В.А. Щегорцева, «учитывая специфику отражения правовой формой сознания общественного бытия, степень сложности и полноты отражения материальной действительности, социальную роль этой формы в структуре общественного сознания, необходимо различать в правовом сознании его стороны: правовую идеологию и социально-правовую психологию... <...>. Идеологическая и социально-психологическая стороны правового сознания образуют эмоционально-интеллектуальное единство, которое всесторонне отражает общественное бытие. Указанные стороны правосознания настолько тесно взаимосвязаны, что их можно отделить друг от друга только абстрактно. Основой взаимосвязи сторон является отражение ими единого комплекса объективных процессов и явлений общественного развития»³¹.

Тем не менее существующая связь правовой идеологии и правовой психологии вовсе не исключает постановки вопроса о доминировании того или иного элемента, которая в юридической науке решается неоднозначно. Здесь по крайней мере необходимо выделить следующие подходы, сторонники которого при этом приводят соответствующие аргументы.

Первый подход решения данной проблемы соответствует позиции о первенстве правовой идеологии. Так, С.С. Алексеев, рассуждая о правовой мировоззренческой идеологии, писал, что это ближайшее основание правовой политики, имеющая

²⁹ *Фролова Е.А.* Указ. соч. С. 412, 413.

³⁰ *Самигуллин В.К.* Указ. соч. С. 45.

³¹ *Щегорцев В.А.* Социология правосознания. М., 1981. С. 47, 48.

объективный характер, обусловленная требованиями экономического базиса, всей социальной жизни, предопределяющих правовую политику господствующего класса. Как утверждал ученый, «правовая мировоззренческая идеология, относящаяся в первую очередь к социально-политическому содержанию права, объективируется в программных политических документах, в произведениях и высказываниях идеологов господствующего класса»³². Т.В. Синюкова, в принципе солидаризируясь с вышеизложенным и сравнивая правовую идеологию и правовую психологию, высказала ряд положений, аргументирующих приоритет первой структурной части правосознания. Например, автором обращалось внимание на то, что идеология характеризуется целенаправленным, как правило, научным либо философским осмыслением права как целостного социального института, в качестве самостоятельного института общества; что правовая идеология значительно превосходит правовую психологию по степени и характеру познания права: если правовая психология фиксирует во многом внешний, часто поверхностно-чувственный аспект, срез правовых явлений, вполне уместающийся в повседневный человеческий опыт, то правовая идеология стремится к выделению сущности, социального смысла, природы права, пытается, как правило, представить его в виде законченной культурно-исторической философии и догмы. Наконец, утверждая, что «без политико-правовой идеологии немыслимо современное общество», констатируется, что «правовая идеология есть такой синтез правовых знаний, в целом правовой культуры, который в концептуальном виде доступен не только специалистам, но и широким слоям населения, конкретно каждому человеку, пропагандируя смысл жизни, работы, ориентируя их в сложном и противоречивом мире»³³.

Значительную группу составляют авторы, отдающие приоритет правовой психологии. Так, С.В. Бошно, говоря о последней, утверждает, что это «наиболее глубинная, скрытая от непосредственного восприятия сфера правового отражения, которая... дает такие типы индивидуальных и массовых реакций на право, законодательство, которые способны кардинально определить успех или неудачу тех или иных законодательных программ... Игнорирование в правовой политике государства юридической психологии не раз оборачивалось провалом для тех или иных государственных мероприятий...»³⁴. Замечая, что «идеологическая

структура правосознания создается подчас искусственно», а психологическая играет значительную роль в формировании и реализации права, А.Б. Венгеров полагал, что «это либо мощный фактор правового развития, прогресса в демократических преобразованиях, либо тормоз, сопротивление преобразованиям, реформам»³⁵. Акцентируя внимание на том, что психология непосредственно отражает повседневные нужды и характер людей³⁶, в литературе отмечается, что это отличает ее от правовой идеологии, которая может быть оторвана от повседневных представлений, опосредованно отражает потребности развития общества, права³⁷.

Несколько с иных позиций доминирование правовой психологии в структуре правосознания обосновывает В.Н. Жуков, говоря, что «правовая психология — более значимая часть правосознания, чем правовая идеология». В обосновании этого положения подчеркивается, что «такое соотношение определяется тем простым фактом, что животная жизнь человека первична по отношению к его духовности»³⁸. Можно согласиться и с тем положением, согласно которому «правовая психология, возникающая под непосредственным началом окружающей правовой (государственно-правовой. — В.К.) действительности, является первой, началом эмпирической ступенью правосознания», ибо «именно с этого уровня начинается осознание правовой (государственно-правовой. — В.К.) реальности, первичное знакомство с ней»³⁹.

Необходимо констатировать, что имеет место и третий, промежуточный подход по вопросу о первенстве того или иного структурного элемента правосознания, авторы которого заявляют, с одной стороны, что «роль главного и активного элемента в правосознании принадлежит правовой идеологии как систематизированному, научно обоснованному, теоретизированному отражению правовой действительности», которая «тесно связана с юридической и политической науками, которые придают идеологии теоретический, систематизированный характер», однако, с другой — утверждает, что правовая психология в правосознании «имеет как бы первичный характер поскольку чаще

³⁵ Венгеров А.Б. Указ. соч. С. 562, 563.

³⁶ См.: Еникеев М.И. Юридическая психология: краткий учеб. курс. М., 2001. С. 11; Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: учеб. пособие. М., 1997. С. 320.

³⁷ См.: Соколов Н.Я. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права: учеб. / под ред. О.В. Мартышина. М., 2007. С. 429.

³⁸ Жуков В.Н. Философия права: учеб. М., 2019. С. 497.

³⁹ Кожевников В.В. Факторы, обуславливающие правовую активность участников правоотношений, возникающих в деятельности органов внутренних дел на досудебных стадиях российского уголовного процесса. Омск, 2003. С. 25.

³² Алексеев С.С. Указ. соч. С. 147, 148.

³³ Синюкова Т.В. Правосознание и правовое воспитание // Теория государства и права: учеб. / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2007. С. 614, 616.

³⁴ Бошно С.В. Указ. соч. С. 298, 299.

всего правовые чувства и эмоции возникают ранее правовых идей»⁴⁰.

Представляется, что при рассмотрении данной проблемы необходимо подходить диалектически.

С одной стороны, следует иметь в виду следующее принципиальное положение: прежде чем так или иначе относиться к праву на уровне индивидуального правосознания, к государственно-правовой действительности (уважительно или нет) (правовая психология), следует так или иначе знать право. Во всяком случае в свое время Л.И. Спиридонов, анализируя структуру правосознания, вначале рассматривал рациональную сферу, в рамках которой человеком накапливается известная сумма знаний об объективном мире, навыки, умения, которые необходимы для повседневной деятельности каждого и образуют ее осознанную основу, а затем выделял эмоциональную область — психологическое отношение к фактам юридической действительности, проявляющееся в эмоциях, психических переживаниях, установках⁴¹.

Однако, с другой стороны, следует иметь в виду, что между идеологической составляющей правосознания и правовым поведением (правомерным или неправомерным) не существует однозначной связи, ибо в ряде случаев именно правовая психология выступает на первый план. На указанное обстоятельство в юридической и психологической литературе неоднократно обращалось внимание.

Так, О.В. Кутафин отмечал следующее: «Мы никогда не были так далеки от правового государства, как сейчас... У нас пока не верят в законы и не уважают их»⁴². «Законодательство, — пишет Е.А. Лукьянова, — не воспринимается населением, оно стало хаотичным, пробельным, ущербным...»⁴³. Замечая, что сама по себе информированность о законодательстве не гарантирует должного правосознания населения, А.Г. Светланов подчеркивает, что, во-первых, что принимаемое законодательство по своему содержанию и качеству должно быть такого уровня, чтобы оно воспринималось обществом в позитивном плане; во-вторых, необходимо, чтобы правоприменительная практика свято придерживалась принципа равенства граждан перед законом; в-третьих, и законодательство, и особенно практика его

применения должны стать гарантами защиты прав, а не инструментом для злоупотребления». «Между тем, — продолжает ученый, — в отечественной практике есть примеры, когда ни вновь созданный правовой механизм, ни сложившаяся судебная практика не создали у населения отношения к праву как к источнику добра и справедливости»⁴⁴.

Полагая, что само правосознание выступает как первостепенный компонент формирования, функционирования и развития правовой жизни общества, Н.М. Юрашевич считает, что соответственно и теоретическая абстракция элементов правовой жизни такова, что все эти феномены (право, правовые отношения, законность, правопорядок и т.п.) требуют обязательного включения в них структурных элементов правосознания. Как пишет автор, право, законность, правопорядок соответствуют правовым взглядам не как к чему-то внешнему, эти взгляды функционируют как сама деятельность этих правовых феноменов⁴⁵. А.С. Пиголкин верно подметил, что сами идеи правосознания «не имеют собственной ценности, если они не направлены на воплощение в позитивном праве либо на отрицание тех норм и институтов действующего законодательства, которое противоречит этим идеям»⁴⁶.

Психологическим компонентам как детерминантам правового поведения (правомерного и неправомерного) большое внимание уделял В.Н. Кудрявцев, в одной из своих работ писавший, что «выбор варианта поведения... есть результат взаимодействия внешней ситуации с особенностями личности субъекта». Ученый замечал, что «этот выбор имеет предпосылку в системе личностных свойств субъекта, к которым относятся его мировоззрение, опыт, установки, стереотипы, ценностные ориентации, а также особенности нравственного и социального контроля, в том числе правосознания. При правонарушении во всех этих элементах (или по крайней мере в некоторых из них) имеются отклонения от свойств, характерных для личности человека, соблюдающего нормы поведения»⁴⁷. В другой работе автором подчеркивается, что «главным фактором, определяющим при прочих равных условиях выбор решения, связанного с совершением антиобщественного поступка, преступления является, как показывают криминологические исследования, антиобщественная

⁴⁰ Любашин В.Я., Мордовцев А.Ю., Тимошенко И.В., Шапсугов Д.Ю. Теория государства и права: учеб. Ростов н/Д., 2003. С. 621.

⁴¹ См.: Спиридонов Л.И. Теория государства и права: учеб. М., 1995. С. 125.

⁴² Кутафин О.В. Есть вещи безобидные, а есть кардинальные // Lex Russica. 2004. № 2. С. 377.

⁴³ Лукьянова Е.А. На стыке эпох и континентов (к истории российской государственности): пособие для реформаторов. М., 2002. С. 78.

⁴⁴ Светланов А.Г. Личность и уважение к закону: проблемы и новые реалии // Ценности и образы права: сб. науч. ст. / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Ю.А. Тихомиров. М., 2007. С. 7.

⁴⁵ См.: Юрашевич Н.М. Правосознание и право: общность и различия // Государство и право. 2005. № 7. С. 72.

⁴⁶ Пиголкин А.С. О понимании советского права (Продолжение) // Сов. государство и право. 1979. № 8. С. 65.

⁴⁷ Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 23.

ориентация самой личности»⁴⁸. Ученым уточняется, что «в систему ценностных ориентаций (диспозиций, установок) личности входит и отношение к правовым ценностям», которое «можно рассматривать и как самостоятельный фактор, влияющий на поведение, и как элемент правосознания личности»⁴⁹. В этой же работе В.Н. Кудрявцев указывал, что «любая ситуация влечет за собой тот или иной поступок, лишь преломляясь через психику субъекта. Ни одна ситуация не может вызвать поведение, отклоняющееся от нормы, без взаимодействия с определенными свойствами личности»⁵⁰. Определяя личность преступника «как личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата», Ю.М. Антонян и В.Е. Эминов утверждают, что «это определение достаточно полно не только в том смысле, что охватывает и тех, кто совершил преступление умышленно, и тех, кто виновен в преступной неосторожности. Такая оценка его обоснована и потому, что она содержит перечень признаков, которые должны быть предметом криминологического познания»⁵¹.

Специалисты в области юридической психологии, рассуждая о психологической предпосылке преступного поведения, обращают внимание на то, что «значительная часть преступников находится на определенной социально-психологической дистанции от общества и его нравственно-правовых ценностей»⁵².

Действительно, в юридической литературе и прошлого и настоящего времени теперь уже не утверждается, что единственное или основное значение правосознания — это усвоение содержания законов, а напротив, подчеркивается, что главное — не знание, а отношение к законам, к правовым ценностям, ибо исследования показали, что правонарушители нередко знают законы не хуже тех, кто их соблюдает⁵³. Несмотря на существую-

щую точку зрения о том, что «преступники в отличие от неправоверных хуже усвоили требования правовых и нравственных норм, они не оказывают на них существенного влияния» и что «такие люди очень часто не понимают, чего от них требует общество»⁵⁴, результаты социологических исследований позволяют утверждать несколько иное. Так, в одном из исследований правосознания молодежи, к сожалению, без указания количества респондентов и методики самого исследования, приводятся следующие показатели применительно к законопослушным гражданам и правонарушителям: коэффициент осведомленности соответственно распределился так: 0.73 и 0.74; коэффициент солидарности — 0.74 и 0.68; коэффициент интернализации — 0.43 и 0.29. При этом отмечалось, что общественное правосознание характеризуется сложным переплетением двух взаимоисключающих тенденций — позитивного и негативного отношения к праву и правоприменительной деятельности. И если для законопослушных характерно признание полезности, необходимости правового регулирования высокого назначения закона в обеспечении порядка, охраны прав, интересов и безопасности граждан, то для преступника — умаление роли и значения права, неверие в правовую систему и юридические гарантии, все возрастающий правовой нигилизм, способность к совершению преступления, допущение безнаказанности⁵⁵.

В свое время В.П. Казимирчук писал, что «уважение права... означает признание социальной ценности права, включающее достаточную информированность о требованиях правовых норм и солидарность с принципами права»⁵⁶.

Представляется, что немаловажным является положение, согласно которому одна из форм деформированного правосознания — правовой нигилизм — ассоциируется с дефектами психологического компонента первого. Именно исходя из этого, правовой нигилизм трактуется, как «сформировавшееся в общественном сознании или психике отдельного человека устойчивое **пренебрежительное или иное негативное отношение к праву** (здесь и далее выделено нами. — В.К.), выражающееся в отрицании его социальной ценности и конструктивной роли в обеспечении приоритетов личности и общества, в **установке** на достижение социально значимых результатов неправовыми средствами или на предельно минимальное их использование в практической деятельности либо характеризующиеся

⁴⁸ Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. О природе антиобщ. поступков и путях их предупреждения. М., 1989. С. 237.

⁴⁹ Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 114.

⁵⁰ Там же. С. 87.

⁵¹ Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. М., 2010. С. 12, 13.

⁵² Мариновская И.Д., Тихомиров С.Н. Юридическая психология: учеб. пособие. М., 2005. С. 209.

⁵³ См.: Психологическое изучение личности преступника. М., 1976. С. 171.

⁵⁴ Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Указ. соч. С. 24.

⁵⁵ См.: Правосознание|. URL: Dip-Ref.Ru/www.vash-kursovnik.ru/ycheb-material/2699.htm (дата обращения: 11.01.2020).

⁵⁶ Личность и уважение к закону. Социол. аспект / М. Борушка-Арцтова, С.В. Боботова, О.А. Гаврилова и др.; отв. ред. В.Н. Кудрявцев и др. М., 1979. С. 17.

отсутствием солидарности с правовыми предписаниями или исполнением (соблюдением) их исключительно под угрозой принуждения либо вследствие корыстных побуждений»⁵⁷. Р.Л. Иванов определяет правовой нигилизм как «устойчивое активное (проявляющееся в актах нигилистического поведения) необоснованное отрицание (в том числе беспочвенное принижения положительной роли) конкретной правовой системы или отдельных юридических ценностей»⁵⁸. В свое время В.А. Туманов трактовал правовой, или юридический, нигилизм как скептическое и негативное отношение к праву вплоть до полного неверия в его потенциальные возможности решать социальные проблемы так, как того требует социальная справедливость⁵⁹, а его сущность Н.И. Матузов усматривал «в общем негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку...»⁶⁰. По мнению ученых, правовой нигилизм как социальное явление представляет собой элемент, черту, свойство общественного сознания и национальной психологии, который проявляется не только в определенных оценочных установках в отношении всех элементов правовой действительности, всего «правового», но и в поведении (деятельности), т.к. мотивирует поступки, определяет традиции, образ жизни⁶¹. Как полагала Н.Л. Гранат, правовой нигилизм, как результат социально-психологической деформации профессионально-правового сознания, выражается в непризнании: 1) приоритета прав и свобод личности; 2) права и законности в качестве высших морально-политических ценностей; 3) умалении их роли и значения в иерархии иных предпочтений и приоритетов⁶².

В юридической литературе отмечается, что «правовой нигилизм как недоверие, неуважение

к праву, нежелание исполнять правовые предписания, а также различного рода правонарушения, приобретает крайне опасный характер, становится явлением массовым и проникает во все сферы жизни»⁶³.

* * *

В заключение настоящей статьи, посвященной проблемам отражения правосознания и его структуре, необходимо подчеркнуть, что она может являться предметом дальнейшего обсуждения и проведения научных исследований в этом направлении, что, без сомнения, обогатит теорию правосознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулаев М.И., Комаров С.А. Проблемы теории государства и права: учеб. СПб., 2003. С. 428.
2. Аврутин Ю.Е. Государство и право. Теория и практика: учеб. пособие. М., 2007. С. 17, 18, 49.
3. Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. М., 2008. С. 147–149.
4. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое-психологическое исследование. М., 2010. С. 12, 13, 24.
5. Бехруз Х. Сравнительное правоведение: учеб. М., 2008. С. 16.
6. Богатырев Е.В. Правосознание и правосудие: взаимосвязь и взаимообусловленность // Право и политика. 2009. № 7. С. 1562.
7. Бошно С.В. Теория государства и права: учеб. пособие. М., 2007. С. 298, 299, 301.
8. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учеб. М., 2007. С. 560, 562, 563.
9. Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права: учеб. пособие / под ред. В.И. Червонюка. М., 2003. С. 521, 522.
10. Гранат Н.Л. Деформация профессионального сознания личности работников правоохранительных органов и возможности ее профилактики // Проблемы действия права в новых исторических условиях. Труды Академии МВД РФ. М., 1993. С. 39, 40.
11. Гранат Н.Л. Правосознание и правовая культура // Теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева. М., 1997. С. 187.
12. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. О природе ан-

⁵⁷ Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права: учеб. пособие / под ред. В.И. Червонюка. М., 2003. С. 521, 522.

⁵⁸ Иванов Р.Л. О понятии правового нигилизма // Правовая культура и правовой нигилизм: сб. материалов межвуз. конф. Омск, 2006. С. 28.

⁵⁹ См.: Туманов В.А. О правовом нигилизме // Сов. государство и право. 1989. № 10. С. 20.

⁶⁰ Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1984. № 2. С. 5.

⁶¹ См.: Гранат Н.Л. Деформация профессионального сознания личности работников правоохранительных органов и возможности ее профилактики // Проблемы действия права в новых исторических условиях. Труды Академии МВД РФ. М., 1993. С. 39; Туманов В.А. О юридическом нигилизме // Пульс реформ (Юристы и политологи размышляют): сб. науч. ст. / сост. Ю.М. Батулин. М., 1989. С. 135.

⁶² См.: Гранат Н.Л. Деформация профессионального сознания личности работников правоохранительных органов и возможности ее профилактики. С. 40.

⁶³ Сенин И.Н., Кожеевников В.В. Правовой нигилизм как социальное явление. Омск, 2005. С. 3.

- тиобщест. поступков и путях их предупреждения. М., 1989. С. 237.
13. Еникеев М.И. Юридическая психология: краткий учеб. курс. М., 2001. С. 11.
 14. Жуков В.Н. Философия права: учеб. М., 2019. С. 497.
 15. Иванов Р.Л. О понятии правового нигилизма // Правовая культура и правовой нигилизм: сб. материалов межвуз. конф. Омск, 2006. С. 28.
 16. Кожевников В.В. Факторы, обуславливающие правовую активность участников правоотношений, возникающих в деятельности органов внутренних дел на досудебных стадиях российского уголовного процесса. Омск, 2003. С. 25.
 17. Коллинз У. Муж и жена: роман. М., 1990.
 18. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 23.
 19. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 87, 114.
 20. Кутафин О.В. Есть вещи безобидные, а есть кардинальные // Lex Russica. 2004. № 2. С. 377.
 21. Кухарук Т.В. Некоторые теоретико-методологические вопросы исследования понятия правовой системы // Правоведение. 1998. № 2. С. 49, 50.
 22. Личность и уважение к закону. Социол. аспект / М. Боруцка-Арцтова, С.В. Боботова, О.А. Гаврилова и др.; отв. ред. В.Н. Кудрявцев и др. М., 1979. С. 17.
 23. Лукьянова Е.А. На стыке эпох и континентов (к истории российской государственности): пособие для реформаторов. М., 2002. С. 78.
 24. Любашин В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Теория государства и права. Ростов н/Д., 2010. С. 667.
 25. Любашин В.Я., Мордовцев А.Ю., Тимошенко И.В., Шапсугов Д.Ю. Теория государства и права: учеб. Ростов н/Д., 2003. С. 621.
 26. Малько А.В. Правовая жизнь как предельно широкая юридическая категория // Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики / под ред. А.В. Малько. М., 2011. С. 12.
 27. Мариновская И.Д., Тихомиров С.Н. Юридическая психология: учеб. пособие. М., 2005. С. 209.
 28. Мартыненко Б.К. Правосознание, правовая культура и правовое воспитание // Проблемы теории государства и права: учеб. / под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 484.
 29. Матузов Н.И. Правовая жизнь как объект научного исследования // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2005. С. 9–38.
 30. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1984. № 2. С. 5.
 31. Методологические проблемы правосознания сотрудников органов внутренних дел. Л., 1986. С. 45.
 32. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. М., 2002. С. 267.
 33. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 499.
 34. Пиголкин А.С. О понимании советского права (Продолжение) // Сов. государство и право. 1979. № 8. С. 65.
 35. Правосознание|. URL: Dip-Ref.Ru/www.vashkursov.ru/ycheb-material/2699.htm (дата обращения: 11.01.2020).
 36. Психологическое изучение личности преступника. М., 1976. С. 171.
 37. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права: учеб. пособие. Иркутск, 2010. С. 511.
 38. Ромашов Р.А. Теория государства и права: краткий курс. СПб., 2010. С. 291.
 39. Русинов Р.К. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права: учеб. / отв. ред. В.Д. Перевалов. М., 2007. С. 206.
 40. Самигуллин В.К. Правосознание: корень добра и справедливости. Уфа, 2015. С. 45, 46.
 41. Светланов А.Г. Личность и уважение к закону: проблемы и новые реалии // Ценности и образы права: сб. науч. ст. / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Ю.А. Тихомиров. М., 2007. С. 7.
 42. Сенин И.Н., Кожевников В.В. Правовой нигилизм как социальное явление. Омск, 2005. С. 3.
 43. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 18.
 44. Синюкова Т.В. Правосознание и правовое воспитание // Теория государства и права: учеб. / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2007. С. 614, 616.
 45. Скакун О.Ф. Теория государства и права (энциклопедический курс): учеб. Харьков, 2005. С. 333.
 46. Соколов Н.Я. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права: учеб. / под ред. О.В. Мартышина. М., 2007. С. 429.
 47. Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1988. С. 12.
 48. Спиридонов Л.И. Теория государства и права: учеб. М., 1995. С. 125.
 49. Трофимов В.В. Правовая жизнь: теоретические и социально-философские проблемы исследования // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 4. С. 124–133.

50. Туманов В.А. О правовом нигилизме // Сов. государство и право. 1989. № 10. С. 20.
51. Туманов В.А. О юридическом нигилизме // Пульс реформ (Юристы и политологи размышляют): сб. науч. ст. / сост. Ю.М. Батулин. М., 1989. С. 135.
52. Фролова Е.А. Правосознание // Философия права. Курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2011. С. 393, 412, 413.
53. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: учеб. пособие. М., 1997. С. 320.
54. Шундигов К.В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М., 2013. С. 108.
55. Щегорцев В.А. Социология правосознания. М., 1981. С. 47, 48.
56. Юрашевич Н.М. Правосознание и право: общность и различия // Государство и право. 2005. № 7. С. 72.
12. Dubinin N.P., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N. Genetics, behavior, responsibility. About the nature of antisociality acts and ways to prevent them. M., 1989. P. 237 (in Russ.).
13. Enikeev M.I. Legal psychology: a brief study course. M., 2001. P. 11 (in Russ.).
14. Zhukov V.N. Philosophy of Law: Textbook. M., 2019. P. 497 (in Russ.).
15. Ivanov R.L. On the concept of legal nihilism // Legal culture and legal nihilism: collection of materials of the interuniversity conference. Omsk, 2006. P. 28 (in Russ.).
16. Kozhevnikov V.V. Factors that determine the legal activity of participants in legal relations arising in the activities of internal Affairs bodies at the pre-trial stages of the Russian criminal process. Omsk, 2003. P. 25 (in Russ.).
17. Collins W. Man and wife: a novel. M., 1990 (in Russ.).
18. Kudryavtsev V.N. Law and behavior. M., 1978. P. 23 (in Russ.).
19. Kudryavtsev V.N. Legal behavior: norm and pathology. M., 1982. P. 87, 114 (in Russ.).
20. Kutafin O.V. There are some things harmless, and there is drastic // Lex Russica. 2004. No. 2. P. 377 (in Russ.).
21. Kukharuk T.V. Some theoretical and methodological issues of research of the concept of the legal system // Jurisprudence. 1998. No. 2. P. 49, 50 (in Russ.).
22. Personality and respect for the law. Sociological aspect / M. Borutska-Artstova, S.V. Bobotova, O.A. Gavrilova et al.; ex. ed. V.N. Kudryavtsev et al. M., 1979. P. 17 (in Russ.).
23. Lukyanova E.A. At the junction of epochs and continents (on the history of Russian statehood): Handbook for reformers. M., 2002. P. 78 (in Russ.).
24. Lyubashits V. Ya., Mordovtsev A. Yu., Mamychev A. Yu. Theory of state and law. Rostov n/D., 2010. P. 667 (in Russ.).
25. Lyubashits V. Ya., Mordovtsev A. Yu., Timoshenko I.V., Shapsugov D. Yu. Theory of state and law: Textbook. Rostov n/D., 2003. P. 621 (in Russ.).
26. Mal'ko A.V. Legal life as an extremely broad legal category // Legal life of society: problems of theory and practice / ed. by A.V. Mal'ko. M., 2011. P. 12 (in Russ.).
27. Marinovskaya I.D., Tikhomirov S.N. Legal psychology: Textbook. M., 2005. P. 209 (in Russ.).
28. Martynenko B.K. Legal awareness, legal culture and legal education // Problems of the theory of state and law: Textbook / ed. by V.M. Syrykh. M., 2008. P. 484 (in Russ.).
29. Matuzov N.I. Legal life as an object of scientific research // Legal life in modern Russia: theoretical and

REFERENCES

1. Abdulaev M.I., Komarov S.A. Problems of the theory of state and law: Textbook. SPb., 2003. P. 428 (in Russ.).
2. Avrutin Yu. E. State and law. Theory and practice: studies manual. M., 2007. P. 17, 18, 49 (in Russ.).
3. Alekseev S.S. General theory of law: Textbook. M., 2008. P. 147–149 (in Russ.).
4. Antonyan Yu. M., Eminov V.E. Personality of the criminal. Of criminological and psychological research. M., 2010. P. 12, 13, 24 (in Russ.).
5. Behrooz H. Comparative Law: Textbook. M., 2008. P. 16 (in Russ.).
6. Bogatyrev E.V. Legal awareness and justice: relationship and interdependence // Law and politics. 2009. No. 7. P. 1562 (in Russ.).
7. Boshno S.V. Theory of state and law: Textbook. M., 2007. P. 298, 299, 301 (in Russ.).
8. Vengerov A.B. Theory of state and law: Textbook. M., 2007. P. 560, 562, 563 (in Russ.).
9. Gaiman-Kalinskaya I.V., Ivanets G.I., Chervonyuk V.I. Basic beginning of the General theory of law: Textbook / ed. by V.I. Chervonyuk. M., 2003. P. 521, 522 (in Russ.).
10. Granat N.L. Deformation of professional consciousness of the personality of law enforcement officials and the possibility of its prevention // Problems of the operation of law in new historical conditions. Proceedings of the Academy of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation. M., 1993. P. 39, 40 (in Russ.).
11. Granat N.L. Legal awareness and legal culture // Theory of law and state: Textbook / ed. by V.V. Lazarev. M., 1997. P. 187 (in Russ.).

- methodological aspect / ed. by N.I. Matuzov and A.V. Mal'ko. Saratov, 2005. P. 9–38 (in Russ.).
30. *Matuzov N.I.* Legal nihilism and legal idealism as two sides of the “same coin”. 1984. No. 2. P. 5 (in Russ.).
 31. Methodological problems of legal consciousness of employees of internal Affairs bodies. L., 1986. P. 45 (in Russ.).
 32. *Nersesyants V.S.* General theory of law and state: Textbook. M., 2002. P. 267 (in Russ.).
 33. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. M., 1984. P. 499 (in Russ.).
 34. *Pigolkin A.S.* On the understanding of Soviet law (Continued) // Sov. State and Law. 1979. No. 8. P. 65 (in Russ.).
 35. The sense of justice|. URL: Dip-Ref.Ru/www.vashkursov.ru/ycheb-material/2699.htm (accessed: 11.01.2020) (in Russ.).
 36. Psychological study of the criminal's personality. M., 1976. P. 171 (in Russ.).
 37. *P'yanov N.A.* Consultations on the theory of state and law: Textbook. Irkutsk, 2010. P. 511 (in Russ.).
 38. *Romashov R.A.* Theory of state and law: a short course. SPb., 2010. P. 291 (in Russ.).
 39. *Rusinov R.K.* Legal awareness and legal culture // Theory of state and law: Textbook / ex. ed. V.D. Perevalov. M., 2007. P. 206 (in Russ.).
 40. *Samigullin V.K.* Legal awareness: root of good and justice. Ufa, 2015. P. 45, 46 (in Russ.).
 41. *Svetlanov A.G.* Personality and respect for the law: problems and new realities // The values and images of the law: collection of scientific articles / ed. by V.N. Kudryavtsev, Yu.A. Tikhomirov. M., 2007. P. 7 (in Russ.).
 42. *Senin I.N., Kozhevnikov V.V.* Legal nihilism as a social phenomenon. Omsk, 2005. P. 3 (in Russ.).
 43. *Sinyukov V.N.* Russian legal system. Introduction to the General theory. Saratov, 1994. P. 18 (in Russ.).
 44. *Sinyukova T.V.* Legal awareness and legal education // Theory of state and law: Textbook / ed. by N.I. Matuzov and A.V. Mal'ko. M., 2007. P. 614, 616 (in Russ.).
 45. *Skakun O.F.* Theory of state and law (encyclopedia course): Textbook. Kharkov, 2005. P. 333 (in Russ.).
 46. *Sokolov N. Ya.* Legal awareness and legal culture // Theory of state and law: Textbook. / ed. by O.V. Martyshin. M., 2007. P. 429 (in Russ.).
 47. *Sokolov N. Ya.* Professional consciousness of lawyers / ed. by E.A. Lukasheva. M., 1988. P. 12 (in Russ.).
 48. *Spiridonov L.I.* Theory of state and law: Textbook. M., 1995. P. 125 (in Russ.).
 49. *Trofimov V.V.* Legal life: theoretical and socio-philosophical research problems // Legal policy and legal life. 2003. No. 4. P. 124–133 (in Russ.).
 50. *Tumanov V.A.* On legal nihilism // Sov. State and Law. 1989. No. 10. P. 20 (in Russ.).
 51. *Tumanov V.A.* About legal nihilism // Pulse of reforms (Lawyers and political scientists reflect): collection of scientific articles / comp. Yu.M. Baturin. M., 1989. P. 135 (in Russ.).
 52. *Frolova E.A.* Legal awareness // Philosophy of Law. A course of lectures: Textbook: in 2 vols. Vol. 1 / ex. ed. M.N. Marchenko. M., 2011. P. 393, 412, 413 (in Russ.).
 53. *Chufarovskiy Yu. V.* Legal psychology: Textbook. M., 1997. P. 320 (in Russ.).
 54. *Shundikov K.V.* Synergetic approach in law. Problems of methodology and experience of theoretical application. M., 2013. P. 108 (in Russ.).
 55. *Shchegortsev V.A.* Sociology of legal awareness. M., 1981. P. 47, 48 (in Russ.).
 56. *Yurashevich N.M.* Legal awareness and law: commonality and differences // State and Law. 2005. No. 7. P. 72 (in Russ.).

Сведения об авторе

КОЖЕВНИКОВ Владимир Валентинович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; 644077 г. Омск, пр-т Мира, д 55а

Author's information

KOZHEVNIKOV Vladimir V. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of theory and history of state and law, Dostoevsky Omsk state University; 55a Mira avenue, 644077 Omsk, Russia